

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930:39(519.5)
DOI 10.17223/19988613/34/14

Н.Г. Носкова

МИФ О ТАНГУНЕ В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрено современное состояние «тангуноведения» как самостоятельного научного направления, обозначены основные тенденции в изучении мифа о Тангуне, показано, что этот миф вызывает большой интерес исследователей. Анализ тематики работ современных южнокорейских авторов убеждает, что в настоящее время наиболее активно происходит исследование мифа о Тангуне в рамках изучения национальной идентичности. Ярким представителем этого направления является Чон Ёнхун, работы которого были охарактеризованы в статье.

Ключевые слова: миф о Тангуне; тангуноведение; «национализм Тангуна».

Миф о Тангуне занимает особое место в корейском обществе, и это признается как научными кругами, так и всеми корейцами.

Примеры из русскоязычной литературы также указывают на особую роль мифа о Тангуне в современной Южной Корее. Как отмечает А.Н. Ланьков, все корейцы еще с самого рождения хорошо знакомы с формулой «пятитысячелетняя история Кореи», она давно стала стандартной и теперь воспроизводится совершенно автоматически. Любый кореец знает, что история его страны началась пять тысяч лет назад [1. С. 468]. Кроме того, как он пишет, совсем не удивительно встретиться с таким рекламным объявлением: «Мы, жители страны – пятитысячелетней историей, должны знать Китай – страну с трехтысячелетней историей!». А в учебнике корейского языка, предназначенном для российских корейцев, кроха-сын говорит отцу: «У России – тысячелетняя история». Папа (русский кореец) на это немедленно отвечает: «А у Кореи – пятитысячелетняя» [Там же. С. 469]. История же возникновения Корейского государства тесно связана с мифом о Тангуне.

К сожалению, в отечественной научной литературе исследований, посвященных мифу о Тангуне, не так уж и много, и тематика их достаточно ограничена.

Перевод мифа о Тангуне, сделанный Л.Р. Концевичем по «Забытым деяниям Трех государств» (삼국유사, 三國遺事, «Самгук юса», 1285 г.), включен в «Корейские предания и легенды» [2]. В его статье «Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон» приведен текстологический комментарий, содержащий дополнения и разночтения по «Рифмованным записям об императорах и государях» (제왕운기, 帝王韻紀, «Чеван унги», 1287 г.), «Географическому описанию» (지리지, 地理志, «Чириджи», 1432 г.), «Комментариям к стихам [Квон Гына], сочиненным по случаю аудиенции у императора [династии Мин Тай-цзу в 1395 г.]» (응제시주, 應製詩註, «Ынджеси чу» Квон Нама, 1460 г.) и «Обзору достопримечательностей земель Восточного государства [Кореи]» (신증동국여지승람, 新增東國輿地勝覽, «Синджын Тонгук ёджи сыннам», 1530 г.) [3].

Если Л.Р. Концевич анализирует ономастикон этого мифа, то А.Ф. Троцевич рассматривает миф о Тангуне как литературный памятник, изучает его сюжетную систему [4]. Ю.М. Бутина интересуют вопросы хронологии и географии Древнего Чосона и та информация, которую можно получить об этом из мифа о Тангуне [5]. Ю.В. Ионова исследует культ медведя, пещер и гор, в связи с чем тоже обращается к этому мифу [6]. Даже эти немногочисленные исследования показывают, что миф о Тангуне дает простор для исследований археологов, историков, этнографов, фольклористов, литературоведов и т.д. Как отмечал Л.Р. Концевич, «в интерпретации мифа о Тангуне наметилось несколько подходов: историко-культурный, этиологический, социологический, этнографический, структурно-функциональный и др.» [3. С. 173–174].

Только на первый взгляд может показаться, что утверждение роли мифа о Тангуне в Корее, а также его влияния на корейское общество, а следовательно, на идентичность корейцев, является несколько надуманным. Однако, на самом деле, роль его важна, а влияние значительно. И это подтверждают многочисленные корейские исследования в этой области.

Чтобы показать, насколько важное значение придается изучению мифа о Тангуне в Южной Корее в последние годы, приведем выдержки из статьи, опубликованной в газете «Кёнхян синмун» (경향신문) за 10 декабря 1997 г. В этой статье сообщается о том, что 45 специалистов, работающих в университетах, различных научных группах и занимающихся исследованием мифа о Тангуне, провели общее собрание и официально объявили о создании научного общества «Общество тангуноведения» (단군학회, «Тангунхаххе»). Несмотря на то что и до этого существовали религиозные группы (например, тэджонгё), а также научные общества, проводившие исследования этого мифа в рамках национальной истории, данная организация является первым научным объединением специалистов в этой области. В статье названы инициаторы, среди которых были историки, религиоведы, филологи, этнографы, политологи, что не может не свидетельствовать

об интересе к мифу о Тангуне специалистов самых разных областей. Также отмечаются объективные причины создания этой организации: несмотря на то что исследования в области Тангуна велись и есть определенные результаты в рамках истории, религиоведения, исследования идеологии, литературоведения, этнографии, большинство из них отрывочны и незначительны, недостаточны для полного понимания этой проблематики.

Кроме того, на образование «Тангунхакхве» не могли оказать влияние раскопки гробницы Тангуна, проведенные в Северной Корее в 1993 г., и соответствующие северокорейские исследования. Основанное общество «Тангунхакхве» ставит перед собой практические цели: преодоление некоторого хаоса существующего в национальной истории, а также формирование национальной идентичности. Для достижения поставленных целей был определен план работы, который включал следующие пункты: проведение конференций, приуроченных к кэчхонджоль, проведение общих северо- и южнокорейских конференций, посвященных вопросам изучения мифа о Тангуне, совместное исследование Тангуна и корейской национальной идентичности, проведение исследований, связанных с решением национальных задач XXI в. [7].

17 февраля 2011 г. научное общество «Тангунхакхве» объединилось с воссозданным в 2008 г. «Научным обществом по изучению Древнего Чосона» (고조선학회, «Ко Чосонхакхве») и было создано «Научное общество по изучению Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학회, «Ко Чосон Тангунхакхве») [8].

У «Тангунхакхве» есть свой научный журнал, который выпускается с 1999 г. Сейчас он издается под названием «Изучение Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학, «Ко Чосон Тангунхак»). В 2013 г. вышел его 29-й номер. Каждый номер включает в себя более десятка статей. Кроме того, статьи, посвященные Тангуну, постоянно печатаются в научных журналах по корейской истории, культуре и т.д. Таким образом, можно понять, насколько значимым представляется изучение этого мифа на сегодняшний день.

В данной работе не стоит задача проанализировать всю имеющуюся научную литературу, связанную с изучением мифа о Тангуне, мы лишь обозначим направления, тенденции в изучении этого мифа и охарактеризуем некоторые значимые работы.

Чон Ёнхун – один из тех, кто стоял у основания общества «Тангунхакхве». В своей статье «Ситуация в области тангуноведения и задачи», опубликованной в первом номере журнала этого общества, он выделяет четыре основных направления в исследовании мифа о Тангуне. Первые три можно определить как теоретические, в четвертом же ярко выражена практическая составляющая [9].

Первое направление исследований развивается в основном в рамках древней истории и археологии. Цель этих исследований – восстановление древней ис-

тории, поиск ответа на вопросы: существовал ли в действительности Тангун и Чосон Тангуна в истории Кореи, если существовал, то где, когда и в каком виде. Также в рамках этого направления исследуется взаимосвязь Тангуна и Древнего Чосона с развитием корейской нации.

Ко второй группе исследований Чон Ёнхун относит те, которые проводились философами, этнографами, фольклористами. Они раскрывают идеологическое содержание, скрытое в мифе о Тангуне и других записях, в которых идет о нем речь. Анализируя набор идей, компоненты религии, структуру сознания, они пытаются найти истинные, специфические характеристики «корейского».

Третье направление разрабатывается историками, религиоведами, специалистами, занимающимися исследованиями национальных движений. В рамках этого направления особое внимание уделяется историческому и национальному значению Тангуна, «взлетам и падениям» представлений о Тангуне, а также их взаимосвязи с изменениями в национальном самосознании.

Последнее, четвертое, направление ставит перед собой задачи практические. В качестве примера Чон Ёнхун приводит исследования, посвященные изучению единства нации и вопросу объединения [Там же. С. 19–21].

Как можно убедиться, совсем небольшой по размеру миф вызывает интерес у самых разных специалистов. Изучением мифа о Тангуне занимаются не только такие гуманитарные науки, как археология, история, философия, антропология, этнография, религиоведение, фольклористика, литературоведение, он является предметом исследования в рамках таких социальных наук, как политология, социология, культурология, педагогика. Поэтому можно согласиться со следующим мнением: «...это указывает на то, что “тангуноведение” как научное исследование о Тангуне, имеет характер комплексной науки» [Там же. С. 21].

Авторитетный исследователь Древнего Чосона Юн Нэхён в статье «Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения» подчеркивал особую роль специализированных научных обществ в изучении какой-либо проблематики и выделял две основные задачи, стоящие перед «Тангунхакхве». Первая состоит в постановке задач, которые требуют неотложного решения, в создании условий, необходимых для их решения. Он также подчеркивал важность единого мнения относительно базовых вопросов. Вторая заключается в создании обстановки, которая бы позволяла делать доклады, вести обсуждения на темы, которые интересны самим исследователям [10].

Среди важных задач и вопросов, которые необходимо решить в самое ближайшее время, Юн Нэхён выделил следующие: определить значение понятия «Тангун», установить ареал зарождения корейской нации и период ее формирования, выяснить содержание идентичности корейской нации и системы её ценностей,

ответить на вопрос, существовал ли Древний Чосон, и если да, то установить время его образования.

В этой же статье Юн Нэхён подробно рассмотрел указанные вопросы и высказал свое мнение. На основе анализа источников он приходит к выводу, что «Тангун» – это не имя собственное, а существительное, обозначающее титул. Об ареале зарождения корейской нации Юн Нэхён пишет: несмотря на то что на сегодняшний день является общепринятой точка зрения, согласно которой основу корейской нации составляли переселенцы из северных районов Китая, Средней Азии или Сибири, если принять во внимание новые археологические данные, то можно найти подтверждение тому, что на территории Корейского полуострова и Маньчжурии 700 тыс. лет назад жили люди. Учитывая тот факт, что костные останки, найденные в Корее и соседних регионах, сильно разнятся, Юн Нэхён приходит к выводу о том, что корейская нация с самого начала была самобытной и имела специфические черты. В связи с этим он ставит вопрос о необходимости пересмотра вопроса о времени формирования корейской нации и ареале зарождения корейской культуры. Отвечая на первый вопрос, он пишет, что жители Корейского полуострова и Маньчжурии в период Древнего Чосона обладали коллективным сознанием, т.е. в это время уже сформировалась культурная, национальная общность. Поэтому «национальная история корейцев начинается с периода Древний Чосон, а культура Древнего Чосона является основой национальной культуры корейцев» [10. С. 209]. В качестве ядра корейской национальной идентичности и системы взглядов Юн Нэхён определяет идею хоникинган (홍익인간, 弘益人間). Само понятие «Древний Чосон» тоже неоднозначно: есть авторы, которые подразумевают под ним только Чосон Тангуна, но есть и те, кто включает в него Чосон Тангуна, Киджа и Ви Мана или только Чосон Ви Мана. Относительно датировки Древнего Чосона единого мнения тоже пока не выработано. Вопрос датировки тесно связан с решением вопроса о том, признается существование Чосон Тангуна или нет. Юн Нэхён отмечает необходимость библиографических исследований источников по Древнему Чосону [Там же. С. 208–210].

Это только одно из существующих мнений относительно трактовки мифа о Тангуне. Согласно классификации Чон Ёнхуна, такое исследование можно было бы отнести к первой группе, т.е. к тем, которые тесно связаны с археологией и историей.

Остановимся еще на одной статье Юн Нэхёна «Миф о Тангуне – исторический рассказ корейской нации». В ней автор отмечает особенности «национальных мифов» и пишет, что в содержании мифа о Тангуне можно найти важные сведения о религии, идеологии, истории. Так, основным религиозным представлением было поклонение Небу, существовала вера в «триединство», которая в мифе о Тангуне выразилась в следующих элементах: Небо (Хванун), Земля (медведица), Человек

(Тангун), эти три элемента объединены Небом (Хванунум). В мифе о Тангуне в сжатой форме обозначены религиозные, политические и социальные идеи корейской нации. Кроме того, в мифе отражена и историческая ситуация (время и пространство). Если пространство – это гора Пэктусан, то время в мифе Юн Нэхён разделяет на четыре периода: время Хванина – «общество групп» (무리사회, мурисахе), время Хвануна – «общество деревень» (부락사회, пураксахе), время заключения брака Хвануна и медведицы – «общество союзов деревень» (부락연맹체사회, пуракёнмэнчхесахе), время Тангуна – «общество государства Древний Чосон» (고조선의 국가사회, ко чонсоный куккасахе) [11. С. 114].

В современном «тангуноведении» особо выделяют работы Чон Ёнхуна. Именно он ввел в научный оборот такой термин, как «национализм Тангуна» (단군민족주의, тангунминджокджуый). Он рассматривает миф о Тангуне и его влияние на корейские национальные движения, на современное корейское общество. Первыми, кто начал использовать термин «тангунминджокджуый», были профессора Син Ёнха и Хан Ёну. Под этим понятием они понимали сильное идеологическое течение, получившее распространение в период просветительского движения (кемон ундон) и в начале японской колонизации Кореи. Син Ёнха упоминал об этом явлении при анализе истории корейского общества конца периода Чосон. Хан Ёну использовал его в контексте корейской историографии и при исследовании тэджонгё [12. С. 273; 13. С. 148]. Но именно Чон Ёнхун применил это понятие как основное при анализе истории национальных движений, модернизации, в контексте истории политических идей [13. С. 146–147]. Под термином «тангунминджокджуый» он объединяет ряд идей, согласно которым Тангун символизирует «отправную точку» в национальной истории, является основой единого национального самосознания «потомков Тангуна». Эти идеи являются составной частью национальной идентичности. Он отмечает, что с конца XIX в. они становятся ключевыми в корейской национальной идентичности и национальном движении. Основа этих идей, безусловно, содержится в корейской истории [Там же. С. 145–148].

Среди статей Чон Ёнхуна, рассматривающих аспекты «национализма Тангуна», можно выделить «Политические идеи мифа о Тангуне», в которой автор подчеркивал необходимость анализа политических идей мифа [14]. В мифе о Тангуне «описывается “отправной пункт” первого государства, в нем отражены представления древних людей о политике и общности. Эти представления оказали значительное влияние на последующую политическую историю и историю идей» [Там же. С. 6]. Среди политических идей Чон Ёнхун уделяет внимание представлениям древних людей о желаемом государстве, общности, а также о политической идентичности корейской нации, выраженной в понятии «тонгук» (통국). Он видит в мифе о Тангуне не просто рассказ о рождении и создании госу-

дарства, но и его связь с последующей корейской историей. В этой статье он также рассматривал, как политические идеи мифа о Тангуне были интерпретированы в последующей истории корейских политических идей, какое влияние они оказали на их формирование [Там же].

В «Предыстории национализма Тангуна» Чон Ёнхуна интересуют следующие три вопроса: исторический и социальный контексты существования «национализма Тангуна»; развитие «национализма Тангуна» накануне Нового времени, его «взлеты и падения»; руководящая роль сонга (선가, 仙家) в представлениях о «национализме Тангуна» [13].

Отдельные работы Чон Ёнхуна посвящены роли идей «тангунминджокджуй» в движениях за национальное объединение. Он указывал на то, что эти идеи становились основой для национального сплочения, «это сила, которая существовала на протяжении долгого периода корейской истории, которая активизирует развитие нации, независимости, единства, демократии, справедливости, счастья» [12. С. 272]. В корейской истории Чон Ёнхун выделяет три этапа национально-объединительного движения, которые связывает с определенными этапами формирования нации. «Нация перед Новым временем» (전근대민족, чонгынтэминджок), для этого периода задачей было создание и сохранение единого государства (Тонгук, Чосон) и культурной идентичности. «Нация Нового времени» (근대적 민족, кындэджок минджок), в это период стояли задачи по преодолению таких характерных для Средневековья явлений разобщенности, как социальное положение, знатность, регионализм и построение национальной идентичности Нового времени. Задачей движений после Первомартовского движения стало преодоление конфликтов между классами и построение единого национального государства, в котором бы были экономическое равенство и счастье [Там же. С. 295–296].

В «Первомартовском движении и национализме Тангуна» Чон Ёнхун акцентирует внимание на первом и на том, что в нем было связано с «тангунминджокджуй», а также рассматривает и объединяющий их контекст. Он подчеркивал, что «тангунминджокджуй» было той силой, которая «стимулировала движение за единство, за независимость и способствовала формированию национальной идентичности» [15. С. 64]. Во время Первомартовского движения очевидным становится соединение идей «тангунминджокджуй» и национальных движений: почти во всех декларациях о независимости говорится о гордости за пятитысячелетнюю национальную историю, используется летоисчисление танги. Важно также и то, что Чон Ёнхун выделяет «национализм Тангуна» в качестве основного фактора влияния на становление идей, связанных с корейской национальной идентичностью, таких как «потомки Тангуна» (단군의 자손론, тангун-ый часоллон), «корейская нация» (배달겨레론, пэдалкёрерон), «единая нация»

(단일민족론, таниль минджоннон), а в качестве времени, когда закладывается основа национальных движений, указывает на Первомартовское движение [Там же].

Отдельно Чон Ёнхун рассматривал «понимание Тангуна» и «веру в Тангуна» в Северной и Южной Корее. Он отмечал, что после разделения Кореи о «национализме Тангуна» не говорилось. Несмотря на то что в Южной Корее «национализм Тангуна» был включен в государственную систему, для его распространения каких-либо усилий не прилагалось. Что касается Северной Кореи, то там, несмотря на то что в рамках национальной истории велись поиски национальной самобытности и гордости, «национализм Тангуна» отвергался. Кардинально изменилась ситуация в конце XX в.: в это время «национализм Тангуна» получает новое развитие. В Северной Корее была открыта гробница Тангуна, что стало импульсом для развития идей «национализма Тангуна», распространились идеи объединения корейской нации, основанные на гордости и национальном сознании «потомков Тангуна». В Южной Корее также стала признаваться важность «вопроса Тангуна», проводятся мероприятия для «спасения» «национализма Тангуна» [16]. Как уже отмечалось, к этому времени относится создание общества, занимающегося изучением мифа о Тангуне.

Интересным, но не исследованным в отечественной литературе является вопрос о влиянии мифа о Тангуне на современное корейское общество. И если многими авторами признается это влияние, то в чем конкретно оно выражается, пока остается не совсем ясным. Ряд статей Чон Ёнхуна посвящены именно этому вопросу. Он рассматривал как «национализм Тангуна» институциализируется в современном корейском обществе и подробно останавливается на летоисчислении от основания государства Тангуном (단기, танги), государственном празднике кэчхонджоль (개천절, 開天節) и идеи хоникинган. Все эти три компонента непосредственно связаны с мифом о Тангуне.

Танги представляет собой летоисчисление, которое начинает отсчет времени с образования Тангуном государства.

Кэчхонджоль – праздник, приуроченный к образованию самого раннего корейского национального государства. Метафорически это событие сравнивается с «открытием небес» (на что указывают иероглифы в названии этого праздника) и отмечается в качестве государственного праздника 3 октября. Это праздник, по сути, является «Днем рождения нации». На вопрос, почему же именно 3 октября отмечают этот праздник, Чон Ёнхун отвечает в статье «Кэчхонджоль, основы этой “созданной традиции”, изменения и контекст». По его мнению, эта дата существовала еще в Средневековье и имеет тесную связь с народными верованиями и проведением жертвоприношений Тангуну [17].

«Хоникинган» – идея, связывающая Хванина с миром людей. В период японской колониальной политики она привлекала внимание как политический тер-

мин и как этическая идея, а после создания государства она становится основной идеей в образовании [18. С. 163–164]. Чон Ёнхун определяет корейцев через эту идею. «Кореец – человек, который в качестве принципа жизни принял хоникинган» [19. С. 146]. Таким образом, он связывает идею хоникинган с идентичностью корейцев. Корейская идентичность включает в себя не только антропологические, культурные особенности корейцев, представление о национальной принадлежности, но и общие идеалы, мечты, жизненные цели и принципы. Именно хоникинган отражала представления предков корейцев о желаемом обществе, государстве и жизни. В XX в. эта идея была принята в качестве основной в образовании. Согласно ст. 1 Закона об образовании, вышедшего 31 декабря 1949 г., «цель образования в воспитании личности в соответствии с идеей хоникинган, приобретении качеств гражданина и способности к независимой жизни, в развитии национального государства и в осуществлении идеалов процветания человечества» (цит. по: [19. С. 151]).

Чон Ёнхун отмечал большой вклад «национализма Тангуна» в преодоление хаоса во время образования государства, по обеспечению народного единства. Эти идеи согласовывались с требованиями, которые ставило время: необходимость объединения под единой идентичностью всех членов нового государства, восстановление национальной гордости и т.д. «Институционализацию национализма Тангуна» Чон Ёнхун объяснял через понятие «создание традиции» Э. Хобсбаума. По его мнению, особенностью «корейской традиции» является то, что главная роль в ее создании принадлежит «не власти и государству, а народным патриотам, преисполненным национальной страстью» [18. С. 190].

Исследования Чон Ёнхуна, одного из современных представителей тангуноведения, посвящены изучению мифа о Тангуне и его взаимосвязи с «корейским национализмом», его влиянию на корейскую идентичность. Чтобы показать, что содержание мифа о Тангуне анализируется не только с точки зрения национальных идей (хотя, как отмечает сам Чон Ёнхун, миф о Тангуне непосредственно связан с идентичностью, поэтому и большинство исследований проходят

именно в этом русле), приведем еще несколько исследований других авторов.

Юн Гёнсу рассматривает взаимосвязь мифа о Тангуне и корейской литературы. В содержании этого мифа он выделял три основных мотива: мотив «схождения, или спуска с небес» (하강적 모티프, хаганджок мотхипхы), мотив «возрождения, или вторичного рождения героя» (재생적 모티프, чэсэнджок мотхипхы); «мотив возвращения героя в исходное положение» (환원적 모티프, хванвонджок мотхипхы) [20. С. 332].

Он рассматривал, как первый и второй мотивы отразились в корейских классических повестях (고소설, ко сосоль), например таких, как «Верная Чхунхян», «Братья Хынбу и Нольбу», «Подвижница Сим Чхон», «Достойный Хон Кильдон», а также в современной прозе и поэзии.

И Хану затрагивает вопрос о воспитании самосознания у корейцев, проживающих в Центральной Азии (корёин), и указывает на необходимость начинать образование с преподавания именно мифа о Тангуне [21].

Отдельные исследования посвящены изучению записей мифа о Тангуне (и шире – упоминаний о Тангуне в письменных источниках) и описанию исторической ситуации создания этих записей. Например, в трудах И Икчу [22]. В работах Ха Юнсопа исследовано содержание представлений о Тангуне и отношение к ним в период Поздний Чосон [23].

Рассмотрение направлений в изучении мифа о Тангуне убеждает в том, что тематика этих исследований очень разнообразна и интерес к этому мифу не уменьшается, а наоборот, в последнее время переживает новый подъем. Наиболее активно происходит исследование этого мифа в рамках изучения национальной идентичности, что показала рассмотренная тематика работ современных исследователей, занимающихся изучением мифа о Тангуне. Причина того, что данный миф чаще рассматривают именно в этом контексте, связана с тем, что вопрос национальной идентичности на сегодняшний день становится все актуальнее в связи с процессами глобализации. В Корею же остроту этому вопросу придают разделение единой нации и существование двух государств. Миф о Тангуне и идеи, которые в нем содержатся, могут быть полезными в решении этих вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Название государственного праздника.

² «Полезно людям и создание счастливого государства» [10].

³ Одно из названий Кореи.

⁴ Как отмечает Чон Ёнхун, *сонга* играла главную роль в сохранении и усилении национальной самобытности, древней истории и Тангуна, противостояла таким иностранным традициям, как буддизм и конфуцианство. *Сонга* – это течение, основы которого находятся в самобытной культуре и первом государстве Чосон [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланьков А.Н. Быть корейцем... М. : АСТ : Восток-запад, 2006. 542 с.
2. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М. : Худ. лит., 1980. 286 с.
3. Концевич Л.Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 173–192.
4. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004. 323 с.
5. Бутин Ю.М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск : Наука, 1982. 330 с.

6. Ионова Ю.В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1968. Вып. VI. С. 154–157.
7. Чо Унчхан, «Тангунхакхе» чханиптвенда (Организация «Тангунхакхе») // Кёнхян синмун (газета «Кёнхян синмун») 10 декабря 1997 г. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&edtNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010>, свободный.
8. Ким Тхэсик. Тангун Ко Чосонхакхе тхонхп (Объединение научных обществ по изучению Тангуна и Древнего Чосона) // Ёнхп носы (Информационное агентство «Ёнхп») 18 февраля 2011 г. URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055>, свободный.
9. Чон Ёнхун. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квадже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 1999. Вып. 1. С. 1–28.
10. Юн Нэхён. Тангунхак чоннип-ыль вихан мёт каджи чондже (Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2003. Вып. 8. С. 187–213.
11. Юн Нэхён. Тангунсинхва-нын ханминджок-ый минджоксахвайда (Миф о Тангуне – исторический рассказ корейской нации) // Вольган Сэмтхо (Ежемесячный журнал «Родник»). 1989. Вып. 20, № 5. С. 111–116.
12. Чон Ёнхун. Минджоктхонильундон-гва тангунминджокджуый (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2004. Вып. 11. С. 271–301.
13. Чон Ёнхун. Тангунминджокджуый-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2003. Вып. 8. С. 145–185.
14. Чон Ёнхун. Тангунсинхва-ый чончхисан (Политические идеи мифа о Тангуне) // Тонъян чончхисанса (История восточных политических идей). 2009. Вып. 8. № 2. С. 5–31.
15. Чон Ёнхун. Самильундон-гва тангунминджокджуый (Первомартовское движение и национализм Тангуна) // Тонъян чончхисанса (История восточных политических идей). 2012. Вып. 11. № 2. С. 63–90.
16. Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква тангунсуан (Понимание Тангуна и вера в Тангуна на Юге и Севере) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2005. Вып. 12. С. 177–219.
17. Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы мандыроджин чонтхон-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (Кэчхонджоль, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2010. Вып. 23. С. 401–444.
18. Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хоникинган кёюкинём (Летоисчисление танги, государственный праздник кэчхонджоль, педагогическая идея хоникинган) // Чонсинмунхваёнгу (Изучение духовной культуры). 2008. Вып. 31. № 4. С. 163–193.
19. Чон Ёнхун. Хангукине чончхэсон-гва хоникинганинём (Идентичность корейцев и идея хоникинган) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2002. Вып. 6. С. 145–169.
20. Юн Гёнсу. Тангунсинхва-ва хангукмунхак-квалый квангэ янсан (Взаимосвязь мифа о Тангуне и корейской литературы) // Пигё минсокхак (Сравнительная этнография). 2000. Вып. 19. С. 331–359.
21. И Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхэсон кёюк (Воспитание идентичности корёин через миф о Тангуне) // Хангуксан-гва мунхва (Корейские идеология и культура). 2010. Вып. 55. С. 459–482.
22. И Икчу. Корёуги тангунсинхва киро-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) // Мунмёнёнджи (Цивилизация). 2003. Вып. 4. № 2. С. 47–57.
23. Ха Юнсон. Чосон хуги тангун-е тэхан киог-ый пёнхва-ва кы соин (Изменения памяти о Тангуне в период Поздний Чосон и их причины) // Уримунхакёнгу (Изучение корейской литературы). 2013. Вып. 38. С. 253–286.

Noskova Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

THE DANGUN MYTH IN SOUTH KOREAN HISTORIOGRAPHY.

Keywords: Dangun myth; Dangun studies; “Dangun nationalism”.

The article observes the present state of the “Dangun Studies”, as an independent scientific field. The main trends in the study of the Dangun myth are defined. This myth generates interest among researchers in different areas, such as archaeology, history, philosophy, anthropology, folklore, literary, political and cultural studies etc. In 1997 scientific society the “Dangun Society” was established. It is the first scientific union of researchers who study the Dangun Myth. The reason of the society’s establishment, purpose and direction of future activities were determined at the first meeting of this society. Questions and issues concerning the “Dangun Studies”, that should be solved, are discussed in modern researches (for example the articles of Yoon Nae-hyun, Jeong Young-hun). The analysis of subjects of the articles of modern South Korean researchers who study the Dangun myth showed that generally the myth was researched in the context of national identity study. The main reason that today the issue of national identity is becoming more important is processes of globalization. In Korean Peninsula the problem is challenging because of separation of one nation and the existence of two states. The Dangun Myth and its ideas can be useful for solving these problems. A researcher who develops this scientific field and should be worth noticing is Jeong Young-hun. He was one of those who promoted the “Dangun Society”. It was he who introduced the term the “Dangun nationalism» for scientific use and defined it as consciousness and movement which are based on belief that Dangun was the Korean’s common ancestor and promoted the integration of Korean nation. These ideas are part of Korean national identity. By the end of the 19th century they started to play an important role in Korean national identity and national integration movement. The basis of these ideas contains in Korean history. The article also examines papers of Jeong Young-Hun. The key points Jeong Yong-Hun paid attention to were political ideas in the Dangun Myth, the Dangun nationalism in different periods of Korean History, national integration movement, South and North Korean’s understanding of Dangun, and also the influence of the Dangun Myth on modern Korean society that is shown up in *dangi* (chronology which starts from the era of Old-Joseon’s foundation by Dangun), national holiday *gaecheonjeol* and the ideology of *hongikingan*.

REFERENCES

1. Lankov A.N. *Byt' koreytssem...* [Being Korean]. Moscow: AST: Vostok-zapad Publ., 2006. 542 p.
2. Kontsevich L.R., Vitkovskiy E. (eds.) *Koreyskie predaniya i legendy iz srednevekovykh knig* [Korean traditions and legends of medieval books]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1980. 286 p.
3. Kontsevich L.R. *Drevnekoreyskiy mif o Tangune i ego onomastikon* [The old Korean myth of Tangun and its onomasticon]. In: Dzharlygasinova R.Sh., Nikonov V.A. (eds.) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic onomastics]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 173–192.
4. Trotsevich A.F. *Istoriya koreyskoy traditsionnoy literatury (do XX v.)* [The history of Korean traditional literature (up to the 20th century)]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. 323 p.
5. Butin Yu.M. *Drevniy Choson (istoriko-arkheologicheskii ocherk)* [Ancient Chosun (a historical and archaeological survey)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 330 p.

6. Ionova Yu.V. *K voprosu o kul'te medvedya, peshcher i gor u koreytsev* [On the question of the Korean cult of the bear caves and mountains]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow: Nauka Publ., 1968, iss. VI, pp. 154-157.
7. Cho Unchkhan. "Tangunkhakhve" chkhanniptvenda [The organization "Tangunkhakve"]. *Kenkhyan sinmun*, 1997, 10th December. Available from: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&edtNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010>.
8. Kim Thesik. Tangun Ko Chosonkhakhve tkhonkhap [Association of Learned Societies for the Study of Tangun and Ancient Joseon]. *Enkhap nyusy*, 2011, 18th February. Available from: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055>.
9. Chung Ĕnhun. Tangunkhak engu-yy khenkhvan-gva kvadzhe [The situation in Tangun studies]. By *Chosun Tangunhak*, 1999, iss. 1, pp. 1-28.
10. Yong Nehĕn. Tangunkhak chonnip-yl' vikhan met kadzhi chondzhe [A few preliminary questions to Tangun studies]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2003, iss. 8, pp. 187-213.
11. Yong Nehĕn. Tangunsinkhva-nyn khanmindzhok-yy mindzhoksakhvaida [The myth of Tangun – a historical narrative of the Korean nation]. *Vol'gan Semtkho*, 1989, iss. 20, no. 5, pp. 111-116.
12. Chung Ĕnhun. Mindzhoktkhoni'l'undon-gva tangunmindzhokdzhuuy [National Union movements for unitin and Tangun]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2004, iss. 11, pp. 271-301.
13. Chung Ĕnhun. Tangunmindzhokdzhuuy-yy chonsa [The background of nationalism of Tangun]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2003, iss. 8, pp. 145-185.
14. Chung Ĕnhun. Tangunksinkhva-yy chonchkhisasan [Political ideas of the myth of Tangun]. *Ton'yan chonchkhisasansa*, 2009, iss. 8, no. 2, pp. 5-31.
15. Chung Ĕnhun. Samil'undon-gva tangunmindzhokdzhuuy [The First March Movement and nationalism of Tangun]. *Ton'yan chonchkhisasansa*, 2012, iss. 11, no. 2, pp. 63-90.
16. Chung Ĕnhun. Nam-gva pug-yy tanguninsik-kva tangunsunan [Understanding Tangun and faith to Tangun in the South and North]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2005, iss. 12, pp. 177-219.
17. Chung Ĕnhun. Kechkhondzhol', ky mandyrodzhin chontkhon-yy yure-va chkhui kyrigo pegen [Kechhondzhol, the foundations of this "established tradition", and the context changes]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2010, iss. 23, pp. 401-444.
18. Chung Ĕnhun. Tangi enkho, kechkhondzhol' kukkenil', khonikingan keyukinem [Chronology of Tanguy, a public holiday kechhondzhol, the pedagogical idea of honikingan]. *Chosinmunkhvaengu*, 2008, iss. 31, no. 4, pp. 163-193.
19. Chung Ĕnhun. Khangukine chonchkheson-gva khonikinganinem [The identity of the Koreans and the idea of honikingan]. *Ko Choson Tangunkhak*, 2002, iss. 6, pp. 145-169.
20. Yong Gĕnsu. Tangunsinkhva-va khangukmunkhak-kvayy kvange yansan [The interconnection between the myth of Tangun and Korean literature]. *Pige minsokkhak*, 2000, iss. 19, pp. 331-359.
21. I Khanu. Tangunsinkhva-ryl' tkhonkhan korein chonchkheson keyuk [The formation of Korean identity through the myth of Tangun]. *Khanguksasan-gva munkhva*, 2010, iss. 55, pp. 459-482.
22. I Ikchu. Korekhugi tangunsinkhva kirok-yy sidedzhok pegen [The description of the historical situation, recordings of the myth of Tangun were made in the last period of Goryeo]. *Munmenendzhi*, 2003, iss. 4, no. 2, pp. 47-57.
23. Ha Yunsop. Choson khugi tangun-e tekhan kiog-yy penkhva-va ky soin [Changes in the memory of Tangun in the late Joseon and their causes]. *Urimunkhakengu*, 2013, iss. 38, pp. 253-286.